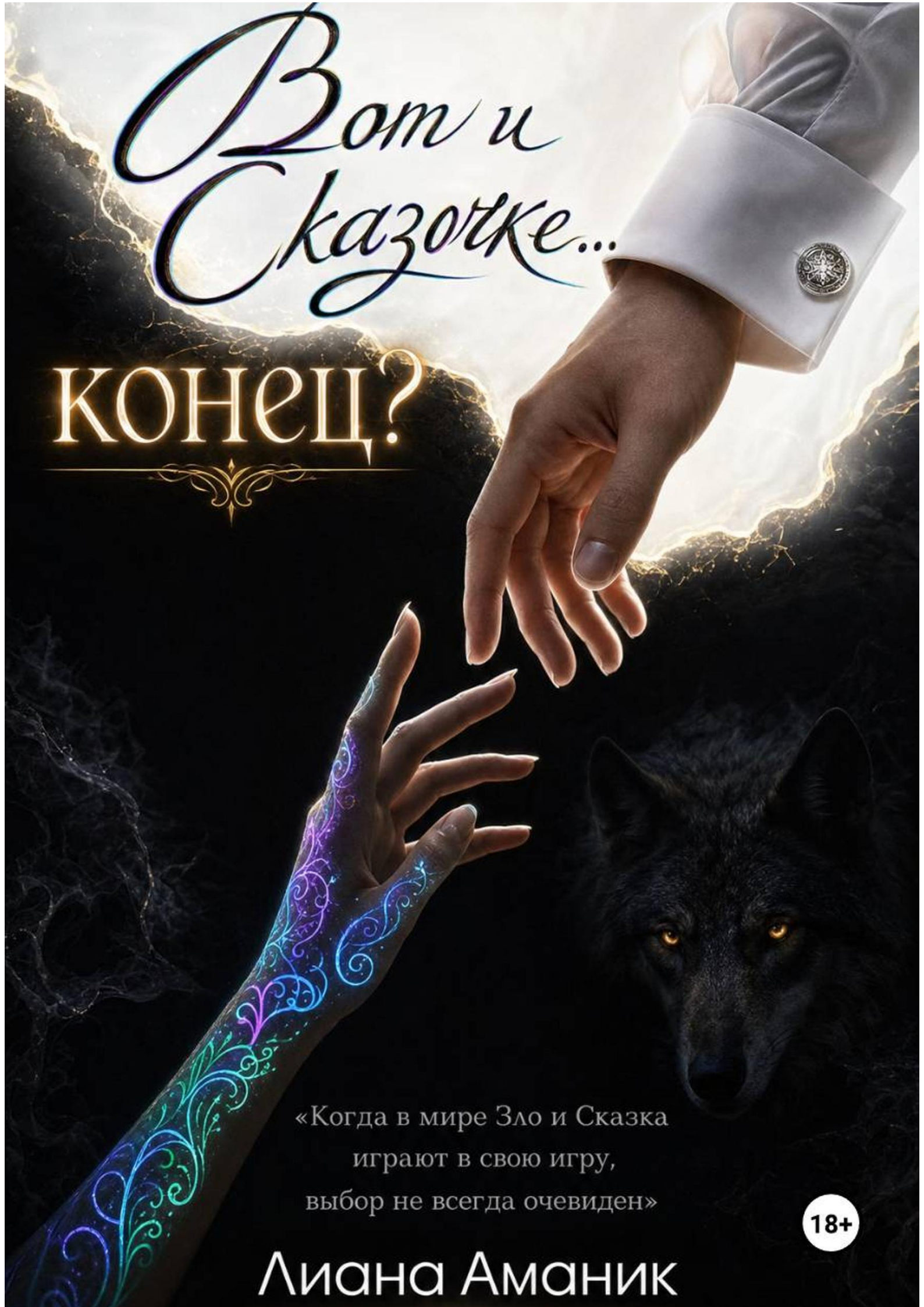

*Вот и
Сказочке...*

КОНЕЦ?

«Когда в мире Зло и Сказка
играют в свою игру,
выбор не всегда очевиден»

Лиана Аманик

18+

Лиана Аманик

Вот и Сказочке... конец?

«Автор»

2026

Аманик Л.

Вот и Сказочке... конец? / Л. Аманик — «Автор», 2026

ИСТОРИЯ ПУБЛИКУЕТСЯ В ПРОЦЕССЕ НАПИСАНИЯ. ЦЕНА МИНИМАЛЬНАЯ. ПО ЗАВЕРШЕНИЮ ЦЕНА СТАНЕТ ВЫШЕ! Сказка приходит только к тем, кто называет жизнь сказкой — к отчаявшимся, сломленным, готовым шагнуть в пустоту. Полторы тысячи лет она находит их в секунду до точки невозврата. Даёт шанс, пропитанный древней магией. И получает новый виток на теле — доказательство, что сегодня снова её победа. Зло — её создатель, её проклятие, её наслаждение. Он толкает людей в пропасть с улыбкой дьявола. Она вытаскивает обратно. Раз за разом. Из его объятий, из его сетей. Это игра длиною в вечность. Его игра. Он ломает — она склеивает. Он толкает — она ловит. Инь и ян. Палач и спасительница. Только вот кто из них кто — вопрос философский. Но однажды ночью всё изменится. Потому что в тёмном переулке она найдёт не того, кого искала. И впервые за полторы тысячи лет её сущность отреагирует не на чужую боль. А на своё желание.

© Аманик Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
От автора:	12
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Лиана Аманик

Вот и Сказочке... конец?

Пролог

Сказка приходит только к тем, кто называет жизнь сказкой — к отчаявшимся, сломленным, готовым шагнуть в пустоту.

Полторы тысячи лет она находит их в секунду до точки невозврата. Даёт шанс, пропитанный древней магией. И получает новый виток на теле — доказательство, что сегодня снова её победа.

Зло — её создатель, её проклятие, её наслаждение.

Он толкает людей в пропасть с улыбкой дьявола. Она вытаскивает обратно. Раз за разом. Из его объятий, из его сетей.

Это игра длиною в вечность.

Его игра.

Он ломает — она склеивает. Он толкает — она ловит. Инь и ян. Палач и спасительница. Только вот кто из них кто — вопрос философский.

Но однажды ночью всё изменится.

Потому что в тёмном переулке она найдёт не того, кого искала.

И впервые за полторы тысячи лет её сущность отреагирует не на чужую боль.

А на своё желание.

Глава 1

— Кто ты?

Вопрос прозвучал тихо, почти шёпотом, который ночной парк поглотил с жадностью хищника. Девушка у пруда не оборачивалась. Просто знала, что в темноте за спиной стоит кто-то.

Даже не так. Там стоит что-то.

Она заметила фигуру давно. Тень среди теней, силуэт без очертаний. И странное дело — мысли о петле из собственных волос и карманах, набитых камнями, вдруг перестали казаться единственным выходом.

— Я?

Голос был женским. Но странно низким, с издёвкой, скользящей по позвоночнику холодком предчувствия. И эта тень двинулась.

— Я — Сказка.

— Сказка?

Девушка оторвала взгляд от водной глади, где дрожали отражения фонарей кафе с другой стороны, огромный полный диск луны, её собственное лицо, искажённое рябью. Лицо, с которым она хотела попрощаться навсегда.

— А что, мне не подходит имя?

На поляну, залитую лунным серебром, вышла женщина.

Статная, с фигурой, вылепленной из мрамора и греха. Волнистые волосы собраны в небрежный высокий пучок так, словно её касались руки, торопящиеся раздеть. Чёрное короткое платье, облегающее, из разряда тех, что должны быть в гардеробе каждой девушки и обязательно пропитаны историями об одной незабываемой ночи.

Но девушка смотрела не на платье. Она смотрела на татуировки.

Они покрывали все открытые участки тела Сказки: руки, ноги, плечи, ключицы, уходя под ткань и явно не заканчиваясь там. Разноцветные линии, живые, дышащие. От невероятно тонких — словно художник проводил последний штрих и не мог отпустить свой шедевр — до широких, толстых, отливающих неоновым светом в лунном сиянии.

Они двигались, переплетались, расплетались, создавали узоры — кружева боли, гобелены надежды, фрески разбитых сердец. В каждой завитушке девушка видела чью-то жизнь. Чью-то смерть. Чьё-то спасение.

И самое страшное, в каждой новой картинке она угадывала себя! Каждое значимое событие. Каждый момент, когда она ещё была живой, а не этой пустой оболочкой, решившей, что утонуть — лучшее решение.

Тошнота подступила к горлу, и девушка непроизвольно ухватила за горло руками, пытаясь сдержать то, что хотело вырваться наружу.

— Ну что, — Сказка кивнула на берег, где стояли старые кроссовки и выдавшая виды кофта, — передумала? Или всё же сделаешь то, что задумала?

Голос звучал почти скучающе. Будто ей всё равно. Будто она видела это тысячи раз. Будто одним труп больше, одним меньше — какая, по сути, разница?

Девушке стало по-настоящему страшно. Внутри всё сжалось от понимания того, что она чуть не сделала. Что ещё мгновение и воды пруда сомкнулись бы над головой, и луна стала бы последним, что она увидит. Слёзы защипали глаза.

Всхлип вырвался первым. Но в следующий миг девушка утонула в объятиях.

Сказка обнимала нежно. Так, будто это мама. Хотя откуда девушке знать — её никогда так не обнимали. Но именно эта ассоциация пришла первой. Мама. Дом. Безопасность.

От Сказки пахло странно. Тёплым чаем со специями. Ванилью и корицей. Домашним уютом и... чем-то ещё. Чем-то древним, пропитанным магией, от чего хотелось зарыться в объятия и больше никогда не выходить.

Девушка не знала сколько прошло времени. Может десять минут, может час, но то, что она почувствовала странный, успокаивающий мир внутри — отрезвило.

Сказка провела ладонью по её волосам — раз, другой, третий. Гипнотизируя и убаюкивая девушку, а потом приподняла лицо за подбородок, заглядывая в глаза.

Девушка замерла. Глаза Сказки были невозможными. В их глубине плясали те самые неоновые блики живых узоров, создающие картинки. Целый фильм на быстрой перемотке. События. Развилки судьбы. Варианты будущего, где эта девушка жива, счастлива и нужна.

— Никогда не забирай то, что не давала, — голос Сказки прозвучал, как заклинание, впечатывающиеся в кости. — Но если у тебя попросят — лучше отдай. Даже если это последнее. Тебе вернётся во стократ. А вот тому, кому отдала... — губы изогнулись в улыбке, в которой не было тепла, — не факт, что пойдёт во благо.

Девушка закивала, как под гипнозом и Сказка отпустила её.

Девушка сделала шаг назад. Ещё один. Подхватила кроссовки в руки, накинула кофту на плечи, и пошла домой, даже не оглянувшись — словно и не собиралась сегодня умирать.

Сказка стояла, провожая её взглядом.

Чувство удовлетворения немного заполнило зияющую дыру вечности в груди. Ещё одна душа вытащена из лап смерти. И совсем скоро ещё один виток ляжет на тело, как печать победы.

Если бы только не одно «НО»!

— И долго ты там будешь прятаться? — спросила Сказка, даже не смотря в тьму, которая прятала сейчас того, кто заставлял её сердце биться быстрее.

— Я вот думаю, — из ночи вышел ОН, и тьма, кажется, вздохнула с облегчением, — сколько ещё ты будешь портить мне веселье?

Бархатистый голос, в котором прозвучала наигранная обида заставил Сказку улыбнуться. Вот только её невозможно было обмануть. Она четко слышала сталь и лёд под этой наигранностью.

Высокий, мускулистый мужчина, весь в белом. До оскомин противном сиянии чистоты. Строгий костюм обтягивал каждую прорисованную мышцу так, что у Сказки в горле пересохло, а во рту скопилась слюна. Яркие, невероятно голубые глаза цвета невинности и рая, смотрели с прищуром. Он сканировал её, раздевал, оценивал.

И он был зол.

Впрочем, он и есть Зло. Невероятно красивое, сексуальное, смертоносное Зло.

— Сколько нужно, милый, — Сказка улыбнулась и обернулась к нему. — Сколько нужно.

Она двинулась к нему походкой от бедра, покачивая попой. Хищница, которая вышла на тропу соблазна. И с удовольствием отметила, как в его глазах полыхнуло пламя.

— Ты обижаешь беззащитных, — Сказка подошла вплотную, — а я очень не люблю этого.

Её пальцы скользнули в его волосы и резко притянув, впились в губы — жёстко, жадно, с яростью тысячелетий.

Зло рыкнул. Одна рука обвила её талию, вторая жестко легла на шею. Он сдавил и вжал её в себя с такой силой, что у обычного человека рёбра хрустнули бы, как сухие ветки.

Но кто сказал, что они люди?

Зло углубил поцелуй. Пожирал её. Каждый вздох, каждый стон, каждую каплю сопротивления. Он хотел её — так, как хочет первородное Зло. Хотел покорности. Подчинения. Хотел, чтобы она встала на колени и призналась, что без него она ничто.

То, что Сказка сама подошла сегодня, говорило многое.

Она скучала. Её вечное сопротивление — это их танец. Но Зло знал, что она скучала по подчинению, по эмоциям, которые ей мог подарить только он. Она не умела иначе. Только следовать за ним. Только идти по его правилам. Он создал её такой!

И от этого пьянящего чувства превосходства Зло находило свою каплю наслаждения.

Но... Лёгкое движение пальцев. Еле уловимы щелчок пальцами, и в следующий миг Сказка уже стоит в нескольких метрах от него — воплощение контроля, олицетворение спокойствия. Со скучающим видом рассматривает маникюр неизменно чёрного цвета.

А Зло разве что дым из ноздрей не пускает. Хотя он и такое умеет. Слишком давно Сказка его знает. Слишком хорошо.

Татуировки на теле Сказки прошли почётный круг и завязались в новый узел с лёгким, приятным покалыванием. А узелок распустился, превращаясь в крошечный цветок, напоминающий фиалку.

Сегодняшняя партия сыграна в её пользу. Сказка улыбнулась и подняла взгляд на Зло.

— Что-то хотел сказать, дорогой?

Он молчал. Голубые глаза пылали. Напряжение между ними сгущалось в вязкое, тёмное обещание либо войны, либо невероятного секса. А может, и то, и другое. Впрочем, как и всегда.

— Нет? — она склонила голову. — Тогда, пожалуй, мне пора. У меня дела.

— И даже с сестрёнкой не здороваешься?

Голос, который мелодичным колокольчиком разлился вокруг, заставил содрогнуться Сказку, а её тату стали темнеть на глазах.

В их сторону двигалась элегантная блондинка, с идеальным каре в белом костюме, под стать Злу. Её движения были выверены. Ни малейшего отступления от норм.

Она подошла и задержала взгляд на Сказке буквально на долю секунды, двинулась к Злу и точно так же, как только что делала Сказка, накрыла его губы поцелуем, прошептав перед этим:

— Привет, милый, я скучала.

– Здравствуй, Добро, – оскалился Зло, вот только его глаза были направлены сейчас только на Сказку.

От автора:

Дорогие читатели, добро пожаловать в историю, где сказки пишутся кровью, а Зло носит белый костюм и улыбается, толкая вас в бездну.

Здесь нет привычных героев. Здесь есть Сказка — древняя сущность, собирающая витки на своём теле, как трофеи спасённых душ. И есть Зло — её создатель, любовник, проклятие. Тот, кто делает игру возможной, толкая людей на край.

Полторы тысячи лет они играют. Он ломает — она спасает. Витками на её коже ведётся счёт.

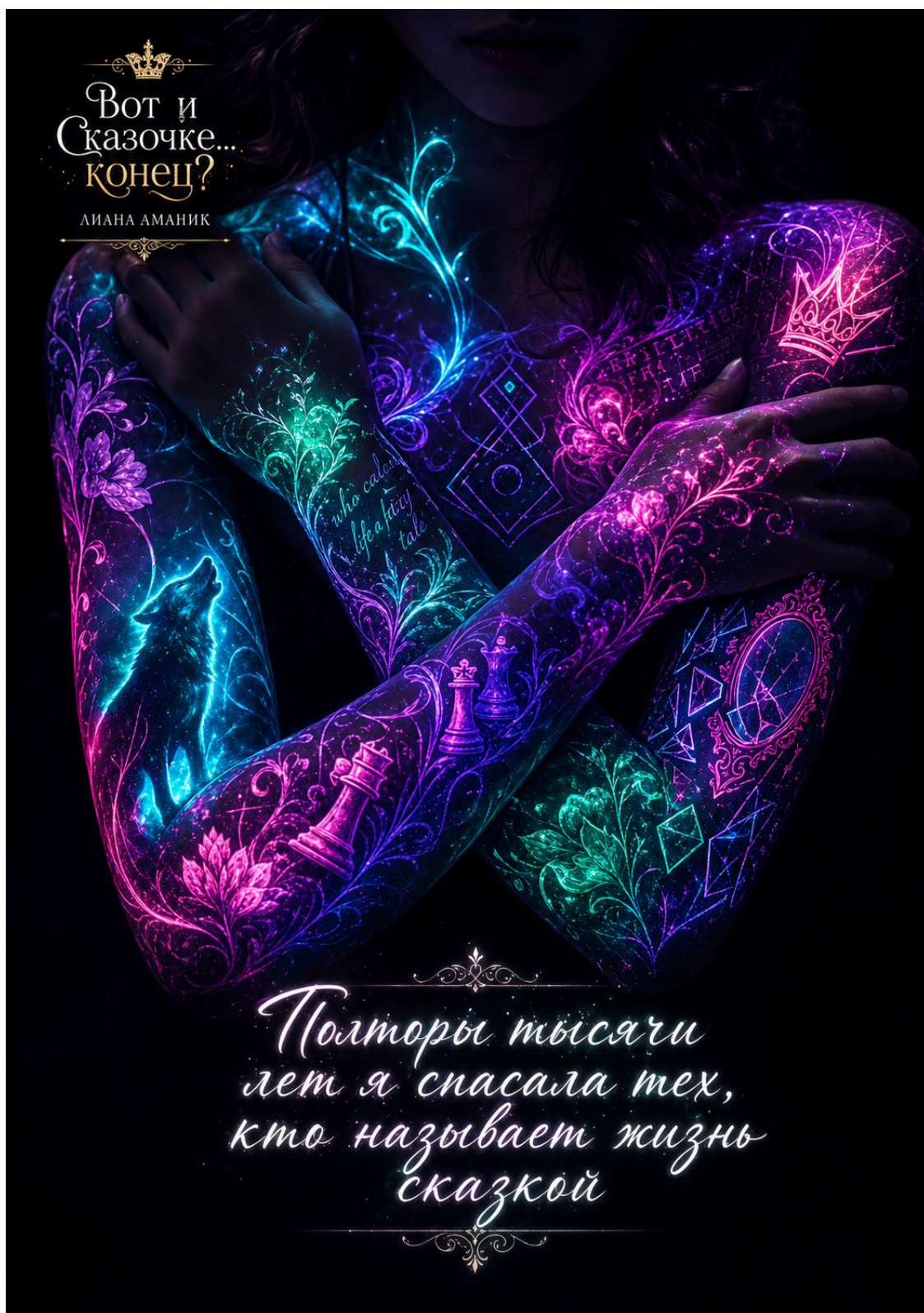
Но что произойдёт, когда Сказка впервые за вечность сделает выбор для себя?

Приготовьтесь. Эта история — не для слабонервных. Здесь будет жестокость и нежность, цинизм и надежда, кровь и магия. Здесь тёмное фэнтези обретает плоть, а клыки оборотня оставляют на душе шрамы глубже, чем на теле.

Эта историю задумывалась давно. Больше двух лет она зрела во мне. И я буду вашей обратной реакции. Буду благодарна за ваше внимание к ней.

У меня уже есть плейлист под эту книгу, буду делиться с вами темами песнями, которые вдохновляли меня на ту или иную сцену. А так же, буду делиться с вами визуалами, которые очень точно передают настроение этой истории!

Добро пожаловать в «Вот и Сказочке... конец?»

Вот и
Сказочке...
КОНЕЦ?

ЛИАНА АМАНИК

Полторы тысячи
лет я спасала тех,
кто называет жизнь
сказкой

Глава 2

Ресторан «Эдем» располагался на последнем этаже небоскрёба, откуда город раскинулся внизу. Хрустальные люстры, белые скатерти, официанты в чёрных жилетах,двигающиеся бесшумно, словно тени. Публика соответствующая — те, кто привык покупать не еду, а статус.

Сказка сидела между Злом и Добром за круглым столиком у панорамного окна, и это расположение казалось идеальной метафорой их отношений.

Сказка могла бы ненавидеть такое вечера, но в её мире было только подчинение и вечная игра. Сегодня будет совмещение. И приятно, и полезно, вот только не ей.

— Шампанское, — Добро улыбнулась официанту улыбкой, от которой у того на мгновение остановилось дыхание. — Самое дорогое, что у вас есть.

— «Кристалл» тысяча девятьсот девяносто

— Отлично, — Добро даже не дала ему договорить. — Три бокала.

Зло откинулся на спинку стула, закинув ногу на ногу. Голубые глаза скользили по залу с ленивым интересом хищника, изучающего загон с потенциальными жертвами.

— Видишь вон ту парочку? — он кивнул в сторону столика у колонны, где сидели мужчина лет сорока и девушка явно вдвое младше. — Он изменяет жене уже полгода. Она знает и молчит. Потому что боится остаться одна.

Его пальцы небрежно сжались в кулак, и девушка за тем столиком вздрогнула, уронив вилку. Мужчина нахмурился:

— Что с тобой?

— Н-ничего, — она прижала ладонь к груди. — Просто сердце кольнуло.

Зло усмехнулся и разжал пальцы. Девушка выдохнула с облегчением.

— Перестань, — Добро положила руку ему на запястье. — Мы здесь отдыхать.

— Я и отдыхаю, милая, — Зло развернулся к ней, но взгляд скользнул к Сказке. — Просто развлекаюсь. Или ты предпочитаешь скучать?

Сказка молчала. Её татуировки медленно переливались под чёрным бархатным платьем с длинными рукавами — сегодня она выбрала закрытый вариант, оставив открытыми только ключицы и тонкую полоску декольте. Узоры дышали в такт её пульсу.

Принесли шампанское. Хрустальные бокалы наполнились золотистой жидкостью.

— За что выпьем? — Добро подняла свой бокал, и в свете люстр она казалась ангелом. Идеальным, безупречным, выточенным из света. — За семейный ужин?

— За наслаждение, — Зло поднял свой.

— А я спасла приют для бездомных животных, — Добро улыбнулась. — Пожертвовала миллион. Они так благодарили, так плакали от счастья. Правда, хозяйка приюта завтра узнает, что деньги — ворованные, и её арестуют. Но сегодня она счастлива. Разве не чудесно?

Её смех был похож на звон колокольчиков.

Сказка подняла свой бокал последней.

— За выбор, — произнесла она тихо.

Зло провёл языком по губам слизывая оставшиеся капли, привлекая внимание двух дам за соседним столиком и улыбнулся им, чувствуя, как вокруг разливается возбуждение. А дальше перевёл взгляд на пожилую пару в углу зала.

— О, смотри-ка. Занятные. На следующей неделе будут отмечать сорок лет совместной жизни. Он копил на кольцо. Она вышивала ему именную рубашку. Мило, правда?

Его пальцы сжались снова, и старик вздрогнул, уронив нож. Лицо побелело.

— Что такое, дорогой? — женщина испуганно потянулась к нему.

— Я не помню, — он растерянно посмотрел на неё. — Я не помню кто ты?

— Что? Я — Марта. Твоя жена!

— Жена? — он смотрел на неё пустыми глазами.

Зло разжал пальцы. Память вернулась. Старик всхлипнул, схватил жену за руку:

— Прости, прости, я не знаю, что на меня нашло

— Ты видела их лица? — Зло повернулся к Сказке с улыбкой. — Этот ужас. Эта пустота. Восхитительно.

Сказка отпила шампанское. Пузырьки лопались на языке, но она не чувствовала вкуса. Она чувствовала боль того старика. Страх той женщины. Она чувствовала всё, что творил Зло в этом зале, но её лицо оставалось безмятежным, как поверхность озера.

— А ты что молчишь? — Зло наклонился к ней, его голос стал медовым, обволакивающим. — Не хочешь поделиться успехами? Сколько душ спасла за последний месяц, пока я тебя не видел?

— Ты всегда меня видишь, — ответила Сказка ровно.

— Я тоже была занята, — Добро небрежно взмахнула рукой, снова привлекая внимание к себе. — Построила три школы в Африке. Правда, строители использовали дешёвый цемент и присвоили половину денег. Одна школа уже рухнула. Погибло пятнадцать детей. Но зато какие красивые фотографии для прессы получились!

Она достала телефон и показала: она в белом костюме на фоне чернокожих детей с сияющими улыбками.

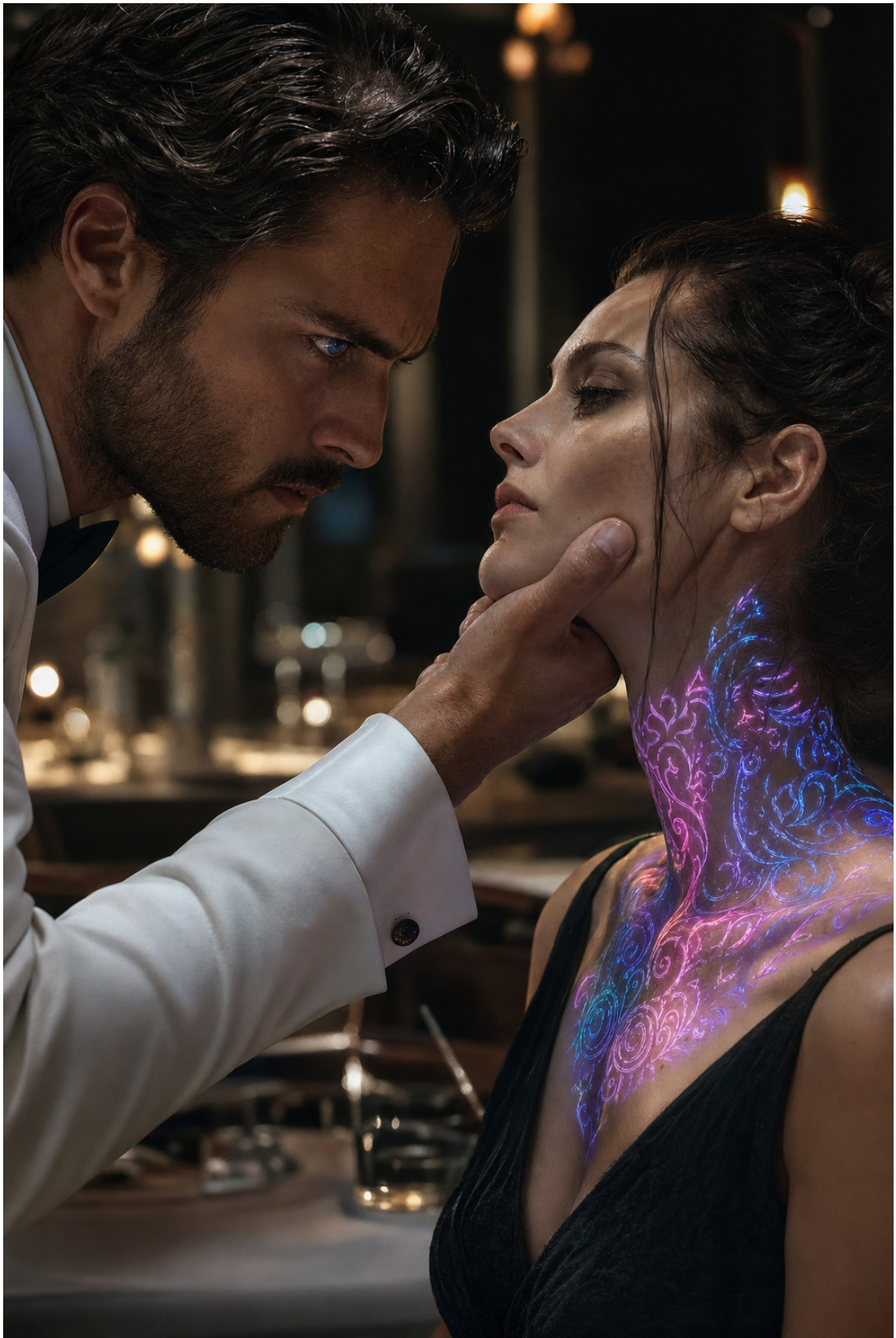
— Видишь? Надежда в их глазах. Я подарила им надежду. А то, что она ложная — она пожала плечами, — какая разница? Главное — они верили. Хоть немного.

Сказка поставила бокал на стол. Её татуировки потемнели ещё сильнее.

— Ты уничтожила будущее пятнадцати детей ради фотографии.

— Я подарила им мечту, — парировала Добро. — А то, что мечты разбиваются — это уже не моя вина. Я дарю веру. А жизнь жестока. Кому, как ни нам это знать, да сестра?

Зло рассмеялся. Низко, гортанно. Смотря на Добро одобрительно. Но в следующий миг протянул руку к Сказке, и схватил за подбородок, заставляя смотреть ему в глаза, и провёл пальцами по скуле. Почти любовно. Полностью теряя интерес к Добру.

— Ты, как всегда оправдываешь, своё имя, моя девочка. Разве не шикарное имя я тебе дал? Моя Сказка. — Он приблизился к её лицу. — Ты — моя тень, детка. существуешь, потому что существую я. Каждый твой вдох — эхо моего выдоха. Ты бегаешь за мной, как верная собачка, зализывая раны. Спасая тех, кого я толкнул. Мы — идеальный тандем.

Сказка не дрогнула. Она смотрела на него с такой глубиной древнего знания, что даже Зло на мгновение замер.

— Закончил? — спросила она ровно.

Его улыбка стала шире. Он отстранился, довольный реакцией. Вернее, её отсутствием. Это была их игра. Он провоцирует, она не реагирует. Он пытается разозлить, сломать, заставить показать эмоции. Но каждый раз у Сказки выходит всё лучше отбивать его выпады. Хотя, какие она может показать эмоции, если они все заперты в нём. Во Зле!

— Принести меню? — к их столику снова подошёл официант.

— Да, — Добро улыбнулась ему. — И ещё бутылку шампанского. Вечер только начинается.

Через минуту на столике уже лежало меню, а в бокалах была новая порция шампанского.

— Я возьму ризотто с белыми грибами, — почти сразу ответила Сказка.

Добро рассмеялась.

— Ты невозмутима, милая. Я всегда восхищалась этим. Столько лет, а ты всё та же. Будто статуя. Красивая, холодная мраморная статуя.

— Ей нечего чувствовать, — Зло постучал пальцем по её груди. — Там внутри пустота. Скажи, ты хоть раз чувствовала что-то настоящее? Ну не считаю того краткого мгновения, когда сама пришла ко мне в храм и легла на алтарь.

Сказка медленно убрала его руку.

— Я чувствую, — произнесла она тихо.

— Что? — он усмехнулся. — Жалость? Сострадание? Эти красивые, высокие чувства?

— Усталость, — ответила Сказка, глядя ему прямо в глаза. — Я чувствую усталость от тебя.

Повисла тишина. Зло замер. В его глазах полыхнуло что-то опасное. Он встал и протянул руку Сказке:

— Давай станцуем.

И это была не просьба.

Музыканты, которые создают сегодня атмосферу в ресторане, заиграли танго, но Сказка не удивилась.

Она вложила руку в его — сегодня она играет роль безразличия.

Добро скользнула по ним жадным взглядом. Зло всегда выбирает Сказку. И это было её личным триггером.

Музыканты заиграли танго и Зло повёл Сказку в центр зала, слишком сильно сжимая её в своих объятиях. А ещё наслаждаясь тем, что под её платьем, татуировки снова ожили реагируя на хозяина.

Глава 3

Сказка снова видела сон.

Она бежала по залитой солнцем тропинке через лес в сторону старого храма на высоком утёсе. Её мать сегодня была занята теми, кто принёс жертвоприношения богине плодородия.

Она была главной жрицей. И это накладывало отпечаток на каждую из дочерей жрицы. Но если младшую все любили и обожали, так как она была такой, какой и положено быть: светловолосой, доброй, воплощением чистоты, которая присуща будущей преемнице, то старшая была слишком своевольной.

Тёмные волосы никогда не слушались гребня матери. Глаза были слишком большими и выразительными. Хитон всегда лишь подчёркивал фигуру старшей дочери, что вызывало у мужчин желание обладать дочерью жрицы.

Но девушка никого и никогда не слушала. Она шла помогать тем, кому не стоило. Ведь если человек был поражён болезнью — это было его бремя. Но старшая дочь была не согласна. Она находила обездоленных и спасала. Могла отдать последнее, что предназначалось богине, но никак не смертным!

И вот сейчас она бежала так быстро, как только могла. Она знала, что Он ждёт её. Знала, что сегодня станет его навечно, и была готова к этому.

Её сердце билось, как у загнанной лани, а по телу пробегали мурашки. Девушка выбежала из тени леса на открытую поляну. Перед её взором восстал полуразрушенный храм богини, а за ним садилось солнце, создавая невероятный образ чего-то могущественного и опасного одновременно.

Разрушенные шпили башен в лучах уходящего солнца напоминали пасть берберийского льва, но девушка не остановилась. Она побежала ещё быстрее, потому что там стоял Он.

Он вышел из полуразрушенного входа и поймал девушку в объятия, шумно вдыхая аромат её волос. По телу девушки пробежал жар от его прикосновений.

Мужчина слегка отодвинулся, чтобы заглянуть в глаза той, что сама пришла к нему.

— Моё творение, — выдохнул он в её полукруглые губы и с жадью путника, заблудившегося в пустыне, накрыл её губы.

Его руки проšli по нежной коже без единого изъяна. Она была идеальна — что снаружи, что внутри. И от этого осознания мужчина ощутил небывалое наслаждение.

Он слишком долго жил, чтобы уметь отличать жемчуг от грязи, пшеницу от плевелов.

Девушка смотрела на мужчину глазами, в которых отражался весь мир. И этот мир был в нём. Её сердце уже принадлежало ему. И она была готова на всё ради него.

— Я хочу быть твоей навеки, — она прошептала тихо, но твёрдо.

Эти слова должны были звучать от чистого сердца. И мужчина уловил этот момент. В его глазах полыхнул победоносный огонь. Но девушка была слишком взволнована, чтобы придать этому значение.

— Так тому и быть, моя Сказка, — выдохнул мужчина и подхватил девушку на руки, унося в тёмную расщелину входа в полуразрушенный храм...

Сказка открыла глаза, резко выныривая из сна, как из омута, который затягивал её в свои тёмные воды, напоминая каждый раз, во что она превратилась.

Она снова в комнате Зла. Как и всегда, после их «семейных ужинов». Она лежит на животе, спрятав руки под слишком мягкую подушку, на кровати, которую могла бы ненавидеть, если бы эта эмоция осталась в ней.

— Доброе утро, милая, — нежный голос с лёгкой хрипотцой коснулся слуха Сказки, а в следующий миг её спину между лопаток обожгло холодным собственническим поцелуем.

Пальцы Зла медленно повели по её телу, повторяя рисунки её татуировок. Каждый завиток задрожал под его прикосновением.

— Как спалось? — его голос раздался уже над самым ухом, а тяжесть его тела заставила Сказку шумно выдохнуть.

— Было бы лучше, если бы я смогла спать в своей постели, — сонно ответила Сказка и попыталась отодвинуться от Зла.

Это было больше инстинктом, чем личным выбором. Выбор у неё забрали в тот момент, когда она легла на алтарь.

— Что тебе снилось, милая? — голос Зла стал ещё ниже, наполняясь опасной хрипотцой.

Сказка уже привыкла, что ему мало секса с ней. Он хочет того, что она уже не сможет дать никогда. Во тьме любовь не живёт. Тьма пожирает её, как самый сладкий десерт.

Но зато остаётся желание, одержимость «зов», который не выключить.

И её тело, как идеально настроенный механизм, реагирует на прикосновение того, кто настраивал его под себя. Но это только тело.

Зло слегка отодвинул одну ногу Сказки и вошёл в неё, медленно наполняя. Его рык удовольствия наполнил комнату, но Сказка не отреагировала. Она ждала.

Сказка знала, что ещё одно движение — и Зло откроет поток между ними. Она почувствует эмоции: тёмные, пожирающие, одержимые, которые испытывает сам Зло.

Это момент, когда секс между ними даёт ей ощущение, что её душа ещё где-то живёт. Но как только Зло приоткрыл поток между ними, Сказка услышала «зов»:

«Сказка? Моя жизнь, как сказка? Да что вы знаете о ней?! Я ненавижу эту жизнь!» — прокричал голос мужчины и сказку увидела картинку того, что сейчас происходит там, на крыше небоскрёба, где замер этот самый мужчина на краю крыши.

Глаза Сказки стали чернее ночи, хотя на улице уже был день. Щёлчок пальцев — и Сказка уже стоит у своих вещей, что были сложены на антикварном кресле.

Зло зарычал, и зеркало перед ней треснуло, расплываясь паутиной и разделяя изображение девушки на сотни. Но Сказка не среагировала на его настроение.

— Я ещё не закончил, — его голос остудил температуру в комнате сразу так, что изо рта вырвался пар.

Он вырос за её спиной и, властно сжав за шею, заставил смотреть на них в треснувшее зеркало.

Она — вся изрисованная татуировками, которые ожили и ждут действий. «Грязная» по сравнению с «чистым», первозданным Злом.

— Если хотел игрушку, мог бы создать меня послушной, — спокойно ответила Сказка, снова и снова обводя десятки их отражений взглядом в треснувшем зеркале.

Но Зло сжал её шею ещё чуть сильнее, и там, где пульсирует жила, кожа покрылась трещинами, отдавая болью, будто хрупкий фарфор.

Сказка не дёрнулась, а Зло только оскалился и резко отступил от неё и двинулся к гардеробу, где его ждёт новый белоснежный костюм.

— Скучно, — ответил Зло, не оборачиваясь к Сказке. — Послушные игрушки ломаются быстро. А ты сопротивляешься. Сотни лет. Тысячелетия. Это искусство.

— Искусство? — улыбнулась холодной улыбкой Сказка и натянула платье на голое тело. — Ты называешь моё проклятие искусством?

— Я называю тебя единственным, что я создал не из скуки, а из — но Зло не договаривает, а его губы растянулись в улыбке, которую обычный человек назвал бы ласковой. — У тебя осталось полчаса. Не успеешь — проиграешь партию, — произносит Зло то, что Сказка и так знает.

Она подхватывает свои туфли, закидывает на плечо и идёт на выход из комнаты Зла. Огромные дворцы — слабость Зла. Рядом с ним всё должно сиять. И только Сказка всегда выбивается из его устоя.

Она проходит холл, где сидит Добро и, прикрыв глаза, подставила лицо утреннему солнцу, что льётся в огромные окна.

— Уже уходишь, сестрёнка? — ласково спрашивает она. — А как же завтра?

Но Сказка не отвечает. Она молча проходит мимо Добра и, выйдя на широкое крыльцо, замечает свой байк, который отливает чёрной синевой на солнце. Мгновение — и мощь двигателя разливается под Сказкой.

Утро, которое снова принесло напоминание о том, что случилось однажды, сулит очередной проигрыш Сказке. Она это уже чувствует, но не может сдаться.

Дорогие читатели, как и обещала, буду вам давать плейлист, под который создаётся эта история:

ОНАЯ – «Тёмный эмпат»

LOOGA – «Пульс»

Polnalyubvi – «Ледяная»

А эта песня больше подойдёт ко второй главе:

Запретный импульс – «Где нет меня»

Глава 4

— Ты какой-то неудовлетворённый с утра, — Добро сказала это ленивым тоном.

Вот только её взгляд с любопытством и жадностью пробежался по Злу. Он вошёл в столовую, где на столе уже был накрыт завтрак. И каждый его шаг звучал слишком мощно в пустынном особняке.

Зло бросил скептический взгляд на Добро и прошёл к своему креслу. Не ему здесь объяснять своё состояние. И не ей.

Эта слишком чистая снаружи и слишком категоричная внутри девушка — просто побочный эффект. Её в принципе быть не должно было. Зло никогда не планировал создавать что-то подобное. Ему всегда хватало того, что в мире, созданном по образу и подобию, было достаточно тех, кто видел даже в дерьме — прекрасное.

Только не в нём. Да Зло и не стремилось к этому. Слишком скучно там, где нельзя посеять зерно сомнения. А это его одно из излюбленных занятий. Хотя от круговорота людей в природе подташнивает иногда.

Он взял в руки приборы, элегантно отрезал кусочек огурца и только поднёс к губам, как перед его всевидящим оком открылась картина того, как тот самый слабый смертный шагнул с крыши, а Сказка

— Нет.

Она даже не прокричала, просто выдохнула это слово и протянула руку в надежде схватить это убогое существо. Но в каждом решении любого человека есть свои плюсы, которые всегда приносят долю удовольствия Злу: если человек мысленно переступил грань, то спасти его уже невозможно.

Сказка медленно подошла к краю крыши и посмотрела вниз, как раз в тот момент, когда мужчина превратился в лепёшку. Где-то раздался отчаянный визг прохожих, кому-то стало плохо. Сказка прикрыла глаза всего на мгновение, а её татуировки стали чёрными, как самая тёмная ночь. А в следующий миг она открыла глаза и посмотрела вперёд, прекрасно зная, что Зло наблюдает.

Зло улыбнулся так, что Добро поморщилась, понимая, что он снова не с ней. И да, она прекрасно понимала, что он снова видит свои любимые моменты со Сказкой, и от этого в груди поднимался протест, а ещё совершенное непринятие того, что эта вечно ходящая по грани сущность, пускай и когда-то была её сестрой, но сейчас не может стать той, кем и должна.

— Фу, — не смогла сдержаться Добро. — Для чего было срываться? Вообще не понимаю этого её отвратного стремления спасти каждое убожество.

Добро взяла чашку с ароматным чаем, но не сделала и глотка, уставившись на Зло.

— Что? — спросила она невозмутимо, понимая, что он снова здесь и смотрит теперь на неё. — И я так и не поняла, для чего было устраивать вчера эту отвратительную демонстрацию силы? Это же не твои методы.

Зло хмыкнул, откинулся на спинку высокого кресла и потянулся за своей чашкой кофе.

— Зато ты вчера была непередаваема, — его голос полился по огромной столовой, отражаясь от стен, заставляя слегка вздрогнуть хрусталь люстр. — Будто я, решила нашептать логике зала правильные мысли. Ты же знаешь, что вчера парень, у которого не удалось свидание, перевёл через дорогу старушку, и их сбил насмерть грузовик?

— Но он же сделал добро, — невозмутимо ответила Добро и улыбнулась. — Пускай и в последний раз.

Зло рассмеялся так, что у Добра пробежалась по коже дрожь удовольствия от его голоса, и она заёрзала на стуле, крепче сжимая бёдра.

— Понравилось? — задал вопрос Зло, но ответа не стал ждать.

Он и так прекрасно знал его. Знал, что Добро слишком похожа на него. И от этого знания ему становилось только скучно.

Добро отпила чай мелкими, выверенными глотками. Каждое её движение было идеальным, правильным. Она была воплощением порядка, света, чистоты.

И ненавидела свою сестру с такой яростью, что это чувство жгло изнутри ярче любого пламени.

— Она слабая, — произнесла Добро, ставя чашку на блюдце без единого звука. — Всегда была слишком мягкая. Не способная принять решение.

— Забавно слышать это от тебя, — Зло откинулся на спинку кресла, наблюдая за ней с ленивым интересом хищника. — Учитывая, что именно ты пришла в тот храм. Сама пришла, чтобы обличить сестрёнку перед матушкой.

Добро сжала кулаки и её идеальный маникюр впился в ладони.

— Я пришла, чтобы остановить её! — голос зазвенел колокольчиком, но в нём промелькнула сталь. — Она была неправильной! Помогала не тем! Отдавала жертвоприношения нищим вместо того, чтобы нести их богине! Она оскверняла наш храм своим присутствием!

— Оскверняла, — повторил Зло мечтательно, словно смакуя это слово. — Какое сильное и категоричное слово. Ты всегда видела мир так чётко, милая. Чёрное или белое. Правильное или неправильное. Никаких полутонов.

— Потому что полутонов не существует! — Добро встала из-за стола резко, отчего стул скрипнул. — Есть свет и тьма! Правда и ложь! Она выбрала тьму! Она отдала себя тебе!

— Нет, — Зло тоже поднялся, только неспешно, его фигура отбросила длинную тень на белый мрамор пола. — Она выбрала любовь. Пусть слепую, безрассудную, обречённую. Но это был её выбор. Скажи, идеальное чувство?

— Любовь к чудовищу не бывает любовью! — выкрикнула Добро, и её белоснежный костюм засветился ярче от вспышки эмоций. — Это осквернение! Грязь! Она стала грязной!

От столь яростных и таких приятных слов Добра, Зло рассмеялся — низко, гортанно, возбуждающе.

— А ты пришла её спасти, — он медленно обошёл стол, приближаясь к Добру. — Привести к матери, чтобы грязную сестрёнку наказали. Чтобы её очистили. Правильно?

Добро вскинула подбородок, а её дыхание участилось.

— Только вот... — Зло остановился в шаге от неё, — ты не ожидала, что ритуал уже начался. Что твоя сестрёнка уже лежит на алтаре. Уже все семь смертных грехов работали против всех. Что я уже начал создавать своё совершенное творение.

Ледяные и одновременно обжигающие пальцы Зла скользнули по щеке Добра.

— И твоя светлая, чистая, правильная энергия попала в мой котёл, — он прошептал ей на ухо. — Смешалась с древней магией. С кровью жертвоприношений. С моей силой. И родилась ты. Побочный эффект. Воплощение категоричного добра, которое не понимает, что иногда спасение — худшее, что можно сделать.

— Заткнись, — выдохнула Добро, но её тело предательски подалось к нему.

Она ненавидела его. Ненавидела сестру. Ненавидела себя за то, что желала его так сильно, что готова была забыть обо всём.

— Ты хочешь меня, — Зло провёл языком по её шее, но это было больше насмешкой, чем соблазнением. — Сотни лет. Каждый раз, когда видишь меня со Сказкой. Каждый раз, когда я касаюсь её, когда трахаю так, что она снова может что-то почувствовать, ты стоишь под дверью и стораешь от ревности.

— Я не ревную к той, кто ниже меня!

— Нет? — Зло отстранился, его голубые глаза полыхнули. — Тогда мне показалось, что ты сегодня слишком возбуждена? Или тебе не понравилась твоя мягкая постелька и ты решила просто прогуляться по особняку. Всю ночь.

Добро слотнула, а руки задрожали ещё сильнее.

— Не люблю спать одна, — выдавила из себя Добро и улыбнулась слишком «искренне».

— Врунья, — Зло усмехнулся и развернулся, уходя обратно к столу. — Хотя я ценю то, что ты каждый раз хочешь доказать, что лучше. Чище. Правильнее.

Добро стояла, сжимая кулаки так сильно, что ногти впились в кожу. Её грудь вздымалась от ярости и желания.

«Да! Я чище её. Я лучше. Я достойна его внимания» — мысль Добра обожгли изнутри.

И как только эта мысль оформилась в сознании, белоснежный костюм растворился в воздухе, оставив её обнажённой.

Первозданная чистота. Безупречная кожа без единой отметины. Идеальные изгибы. Золотистые волосы в моменте стали длиннее, волнистее, копируя длину ненавистной сестры, и рассыпались по плечам.

Зло замер, держа в руке чашку кофе. Он окинул Добро безразличным взглядом и продолжил пить кофе.

— Оденься, — произнёс он равнодушно. — Ты смущаешь прислугу.

Добро побелела. Потом покраснела. Ярость захлестнула так сильно, что воздух вокруг неё завибрировал.

— Ты... ты... — она не могла выговорить слова.

— Я что? — Зло поставил чашку и посмотрел на неё с усмешкой. — Должен был пасть к твоим ногам? Восхититься? Милая моя, чистая моя Добро. Ты великолепна. Идеальна. Но знаешь, в чём твоя проблема?

Он подошёл снова, но в этот раз не коснулся.

— Ты — как статуя в музее. Красивая, но холодная. Безупречная, но неживая. В тебе нет того огня, который горит в Сказке. Той трещины, через которую просачивается свет. Ты не сломана. А я, — он склонил голову, — люблю сломанное.

Добро закричала — не словами, а чистым криком ярости — и костюм материализовался на ней обратно.

— Она грязная! Вся в этих отвратительных татуировках! Вся помеченная тобой! Она не достойна ничего!

— Именно, — Зло улыбнулся довольно. — Помеченная мной. Моё творение. Моя Сказка. А ты просто ошибка.

Он развернулся, уходя к выходу из столовой, но в последний момент бросил взгляд на Добро и добавил:

— Но знаешь что забавно? Ты так ненавидишь её за то, что она сделала. За то, что легла на тот алтарь. За то, что выбрала меня. Но ведь это ты привела её туда, милая. Это ты ворвалась в храм, крича о грехе и наказании. Это ты дала мне последний ингредиент для ритуала — праведный гнев.

Добро замерла, а очередная правда, пронзила её идеальный чистый мир.

— Так что, в некотором роде, — Зло обернулся, его улыбка была воплощением дьявольского триумфа, — ты создала свою соперницу сама. Как тебе ирония?

Он вышел, оставив Добро одну в огромной столовой с хрустальными люстрами, белым мрамором и идеальной сервировкой.

Добро замерла на месте, дрожа от ненависти. А воспоминания хлынули на неё старой волной, которая не стала менее различимой за тысячелетия.

Полторы тысячи лет назад...

Добро бежала по той же тропинке, что и её сестра, но с совершенно иными мыслями.

«Я остановлю её. Приведу к матери. Она будет наказана за своё своеволие.»

В её руках был церемониальный кинжал — тот, которым жрицы делали надрезы на жертвоприношениях. Она не знала, зачем взяла его. Это был просто инстинкт.

Храм на утёсе встретил её так же, как и сестру — полуразрушенный, залитый закатным светом, зловещий.

Но Добро не испугалась. Она была правой. Она была на стороне света. Она ворвалась внутрь — и замерла.

Сестра лежала на алтаре. Обнажённая. Волосы рассыпались по камню. Глаза закрыты. Вокруг горели чёрные свечи, на стенах отливали странные ритуальные надписи, которые пульсировали в воздухе древней магией.

Над ней стоял Он.

Мужчина в белом. Невероятно красивый. С бездонными глазами, которые гипнотизировали и затягивали. Она видела его несколько раз за последние три лунных цикла. Она следила за сестрой, пыталась донести матери, что её старшая дочь принесёт проклятие богини на их дом. Но её никто не слушал!

Он повернулся к Добру и улыбнулся.

— О, — произнёс он с неподдельным восхищением. — Какой чудесный сюрприз. И как вовремя.

— Отойди от неё! — выкрикнула Добро, заноса кинжал. — Я остановлю этот грех!

— Грех? — Зло рассмеялся. — Милое дитя... Твоя сестра пришла сюда сама. По своей воле. Она любит меня.

— Любовь к чудовищу — не любовь! Жрицы не имеют право на любовь, кроме как к богине!

— Как категорично, — Зло склонил голову. — Как восхитительно категорично.

Он шагнул к ней, и Добро замерла, неспособная двинуться.

— Знаешь, что я вижу в тебе? — прошептал он, обходя вокруг неё кругами. — Страх. Что ты не такая, как все думают. Что под этой маской света скрывается тьма. Но ты отрицаешь её. Прячешь. Объявляешь неправильной.

— Неправда! — Добро попыталась шагнуть назад, но ноги не слушались.

— Нет? — Зло провёл пальцем по её щеке, и Добро задохнулась от вспышки ощущений. — Тогда почему ты так часто думаешь о том, как бы выглядела сестра, упавшая с утёса? Почему представляешь, как мать плачет над её телом? Почему тебе нравится эта картина?

— Не смей заговаривать меня! Я не моя сестра!

Добро замахнулась кинжалом — и в этот момент его магия хлынула в её сторону, поглощая то, что и было нужно ему.

Ритуал, уже начатый, жадно впитал её энергию. Её праведный гнев. Её категоричность. Её уверенность в своей правоте. Добро закричала, падая на колени, начиная сиять белизной, от которой можно было ослепнуть.

А на алтаре Сказка открыла глаза — и они были чёрными, как бездна.

Ритуал завершился. Две сущности родились в ту ночь.

Одна — из любви и тьмы.

Другая — из гнева и света.

Это не было планом Зла, но теперь обе — навечно связанные с тем, кто создал их.

Настоящее время

Добро застыла у окна столовой, глядя на город, который мерцал вдалеке пиками новых зданий и воняя предательством, ложью, алчностью. Её пальцы сжали подоконник так сильно, что мрамор треснул.

«Я чище. Я правильнее. Я лучше.»

Но голос Зла всё ещё звучал в её голове, нащёптывая и подталкивая:

— Ты знаешь, что должна сделать, милая. Ты знаешь, как доказать, что ты достойна. Сломай её. Сломай Сказку. Покажи, что твой путь — единственный верный. И тогда, возможно, я взгляну на тебя по-другому.

Добро закрыла глаза и улыбнулась. Холодной, категоричной, абсолютно уверенной улыбкой.

Дорогие мои, вот ещё несколько композиций в плейлист к этой истории:
Запретный импульс – «Любимая игра»
PoluХром – «Поводок из шёлка»

Глава 5

Сказка застыла во времени. Сегодня она проиграла.

И самое ужасное — в этих играх давно не осталось ничего, что могло бы вызвать азарт. Только счёт. Только узоры на коже, которые ложатся или не ложатся. Только лицо мужчины, за долю секунды до асфальта успевшего подумать: «А вдруг я ошибся?»

Она слышала эту мысль. Она всегда слышит последнюю мысль. Это её личный ад, о котором не знает даже Зло: они все сомневаются. Все, до единого. Уже в полёте. Уже за гранью. И это сомнение впитывается в неё, оседает на дне зияющей дыры вечности — тонким слоем пепла, который никогда не станет землёй, из которой что-то вырастет.

Иногда она прогуливается по ночным городам, заглядывая в самые злачные места: клубы, публичные дома — или просто наблюдает, как эмоции, желания, страсть, жадность пожирают людей. Она рассматривает их, как забавных мошек, которые хотят казаться вершиной эволюции. И ведь нужно было придумать такое словосочетание.

Но вместе с тёмными эмоциями рука об руку идут обречённость, ненависть, страх, боль и отчаяние. И каждый раз они идут по разные стороны друг от друга, никогда не встречаясь взглядами.

Она столько раз видела, как мужчины по прихоти ломали невинных девушек, превращая их в чудовищ, которые уже ничего не боятся. У всего есть цена. Этот закон не в силах изменить ни время, ни пространство.

Но есть и другой мир, где правит день. Его она тоже видит. Прямо как сейчас.

Парк спрятал её на самой дальней лавочке. Детская площадка, где дети веселятся в своей непосредственной вере в прекрасный мир. Строят замки из ваты и мысленно скачут по ним.

Повернув голову, она замечает пару стариков. Он уже не чувствует силы в руках, но не признаётся супруге. Протягивает руку, переплетает их пальцы, подносит к губам и целует. Она поворачивает к нему лицо, изрешечённое морщинами, и улыбается так, что у него снова сердце спотыкается.

Он умрёт сегодня. Тихо, во сне. Не потому, что его подтолкнули, а потому, что его час настал. А она проживёт без него ровно месяц — и уйдёт следом, так же тихо, как жила.

Сказка смотрит на них, и что-то древнее ворочается в ней. Не эмоция — воспоминание об эмоции. Так ампутированная рука болит фантомной болью. Полторы тысячи лет назад она умела вот так — переплестать пальцы. Верить, что за ночью всегда рассвет. Умение осталось где-то там, на алтаре, вместе с кожей без единой отметины.

Такую смерть ей видеть приятно. И губ непроизвольно касается улыбка.

В её ноги ударился большой резиновый мяч с нарисованным единорогом, а за ним почти сразу появилась маленькая девчонка с невероятными глазами цвета весенней зелени.

Сказка медленно склонилась, подхватила мяч и протянула его малышке. Кудряшки смешно вздрогнули, когда та склонила голову набок, рассматривая Сказку слишком внимательно. Так смотрят только дети и умирающие — те, кто ещё не научился или уже разучился врать глазами.

А потом девочка сделала шаг и провела маленьким пухлым пальчиком по татуировке.

Узор вспыхнул золотом.

Сказка моргнула. Раз. Другой. За полторы тысячи лет её кожа знала все оттенки холода: неоновую синь побед, черноту поражений, серебро полнолуний. Но золото... Золотом горели только свечи в храме её матери. До. До всего.

— Блестяшка! — радостно пискнула девочка и обхватила ладонь Сказки двумя ручками.

Все ниточки татуировок засияли и потянулись к малышке — жадно, доверчиво, как цветы к солнцу. И Сказка с ужасом, которого не должна была уметь чувствовать, поняла: это не ребёнок тянется к ней. Это она тянется к ребёнку. Всем, что от неё осталось.

На каком-то древнем инстинкте она дёрнула руку.

— Аглая! — совсем рядом раздался взволнованный старческий голос.

— Бабушка, здесь тётя с блестяшками!

Щёлчок — и Сказки уже не оказалось на лавочке. Только мячик остался покачиваться на ветру.

Она застыла в тени старого дуба, глядя, как золото медленно гаснет на её запястьях. Гаснет — но не исчезает. Остаётся под кожей тонкой прожилкой, как трещина в фарфоре.

«Этого не может быть, — подумала она ровно, потому что иначе думать не умела. — Я не чувствую. Мне нечем».

— Бабушка, но здесь правда была красивая тётя! У неё блестяшки на ручках.

— Маленькая моя... Нельзя подходить к чужим. Тебя могут увести, а я умру в тот же момент.

Малышка бросилась бабушке на шею. И Сказка уловила от старушки нить отчаяния такой густоты, что её можно было наматывать на кулак. Пенсия, которой не хватает. Ночи, когда она пересчитывает таблетки и прикидывает — дотянет ли до школы внучки. Страх не смерти — страх умереть не вовремя.

— Боже, какая отвратительная картина, — за спиной раздался голос Добра. — Неужели это то, ради чего ты сорвалась? Смотреть на это убожество?

Добро подошла бесшумно — она всегда ходила так, словно мир обязан был стелиться ей под ноги. Белый костюм сиял в тени дуба неуместно, как операционная лампа над колыбелью.

— Нужно просто донести этой старой женщине, что отдать чадо в детский дом — не так и страшно, — Добро постукивала пальцем по щеке, и в её глазах не было ни жестокости, ни злорадства. В том и был ужас: она действительно решала задачу. — Девочка будет сыта, одета, спать в чистой постельке. Старуха умрёт со спокойной душой. Двое страдающих превратятся в двоих устроенных. Идеальный баланс. Скажи, где здесь зло?

— В том, что ты называешь любовь «страданием», а систему — «домом», — ответила Сказка ровно.

— Любовь, — Добро попробовала слово на вкус, как испорченный фрукт. — Знаешь, что такое любовь этой старухи? Это эгоизм. Она держит ребёнка при себе, потому что боится умирать в пустой квартире. Я предлагаю честность. Ты предлагаешь красивую ложь. И кто из нас после этого сказка?

Рука Сказки, почти лишившаяся золотых прожилок, вспыхнула снова. Она нахмурилась и опустила взгляд. Она не испытывает эмоций. Никогда. Так что происходит?

Но рот сам открылся в излюбленной ленивой манере:

— Тебе стало скучно, и ты решила взять на себя обязанности Зла?

Добро дёрнулась. Совсем немного.

— Так я тебя огорчу, сестрёнка: я откликаюсь только тогда, когда Зло решает сыграть новую партию. Можешь не тужиться.

— Дрянь! — вспыхнула Добро.

— Пойдём поужинаем, — вместо реакции предложила Сказка. — Ты же хочешь, чтобы побольше смертных увидело, насколько ты прекрасна и насколько я отвратительна.

И зашагала к ресторанчику на окраине парка, спиной чувствуя взгляд сестры — белый, выжигающий, стерильный. Взгляд, которым не смотрят на живое.

Сегодня вот такая песня была вдохновением и болью одновременно:
SEVAK - Зима
JALAGONIA – Родные души

Глава 6

Сказка покручивала в руках стакан с соком — почти полный, ненужный. Она лениво рассматривала посетителей ресторанчика.

Они молчали. Обе. Сказка не нуждалась в разговорах: она и так слышит слишком много слов, которые не имеют смысла, а лишь засоряют мир.

А Добро смотрела на сестру и видела перед собой идеальное оружие Зла, которое отказывается стрелять. Расточительство. Богохульство. Даже после того, как Зло измазало её в себе, она осталась той самой дочерью жрицы, вечно стоявшей на стороне убогих.

— Я всё равно не понимаю, зачем ты спасаешь их, — заговорила Добро, глядя на официантку, прячущую под длинными рукавами старой блузки синяки от побоев мужа. — Даже вот эта. Ходит, улыбается вымученной улыбкой. Может, сказать ей, чтобы в следующий раз не отбивалась? Быстрее закончится.

Сказка никогда не любила, как улыбается сестра. За сотни лет ничего не изменилось: она всегда видела в Добре только демона в белом.

В этом плане Зло честнее. Он не скрывает себя. Он показывает свою сущность каждым жестом. Добро же идёт дорогою «всё только ради блага» — и от этого Сказка будто высыхает изнутри.

— И что должно произойти по твоему идеальному плану? — спросила Сказка ровно и перевела взгляд на официантку.

Она видела в девушке боль, страх, обиду — но и какой-то дикий огонь, который не давал сдаться. Тот самый неоновый свет, который Сказка различает только в тех, кого жизнь ломает, а они поднимаются снова.

— Ну как что? — невинно хлопнула глазами Добро. — Она, может, даже выживет. А муж поймёт, что совершил страшный грех, раскается и до конца дней будет выхаживать калеку. Идеальное наказание за зло. Все получают по заслугам.

— Ты уверена?

— Хочешь пример, сестрёнка? — Добро подалась вперёд, и её глаза загорелись тем светом, от которого у людей в древности вставали дыбом волосы, а они называли это «благодарностью». — Помнишь Констанцу? Тринадцатый век, город на реке. Чума.

Сказка помнила. Татуировка на её левой лопатке — узел из семи переплетённых линий — помнила тоже. Он занял, глухо, как старый шрам к непогоде.

— Праведница. Настоящая, без притворства, — голос Добра стал почти нежным. — Она не убежала из города, как богачи. Осталась. Выхаживала больных. Хоронила мёртвых, когда могильщики отказались. Отдала всё зерно, всё серебро, всю себя. Люди молились на неё. Я гордилась ею. Единственный раз за тысячу лет — гордилась человеком.

— Я помню, чем закончилось, — тихо сказала Сказка.

— Расскажи, — Добро откинулась на спинку стула. — Хочу услышать твою версию.

— Она выходила семьдесят человек. И разнесла заразу по трём деревням на своих подошвах, на своей одежде, на своих милосердных руках. Три деревни вымерли до последнего младенца. Восемьсот мёртвых против семидесяти спасённых.

— Восемьсот шестнадцать, — уточнила Добро с бухгалтерской точностью. — И знаешь, что самое прекрасное? Она узнала. Перед смертью ей рассказали. И она умирала не от чумы — от понимания. Праведность, сестрёнка, — это тоже оружие. Просто оно стреляет с задержкой, и никто не считает трупы. — Она сложила пальцы домиком. — Вот почему я говорю: доброта без расчёта — преступление. Я не жестокая. Я — единственная из нас троих, кто считает до конца.

И Сказка вдруг поняла то, от чего внутри стало по-настоящему холодно — холоднее, чем от всех выходов Зла. Добро не лгала. И не наслаждалась. Она смотрела на восемьсот шестнадцать мертвецов и на семьдесят спасённых одинаково — как на цифры в столбцах. Для неё не существовало людей. Никогда не существовало. Ритуал не сделал её чудовищем. Он просто убрал последнюю тонкую плёнку, отделявшую праведность от арифметики.

Зло играет с людьми, потому что ему скучно.

Добро не играет с людьми, потому что не видит их.

И неизвестно, что страшнее.

— А ты хоть раз спросила Констанцу, — медленно произнесла Сказка, — жалела ли она?

— Что?

— Перед смертью. Жалела ли она, что осталась. — Сказка подняла глаза. — Я спросила. Я была там, в её последнюю ночь, потому что она прошептала: «Вся моя жизнь — страшная сказка». Знаешь, что она ответила? «Я жалею о трёх деревнях каждым вздохом. Но если бы Господь вернул меня в тот день — я бы снова осталась. Потому что бросить умирающего, когда можешь держать его за руку, — это не спасение мира. Это смерть при жизни».

— Глупость, — отрезала Добро.

— Возможно. Но вот что забавно, сестрёнка. Восемьсот шестнадцать смертей мир пережил и забыл. А те семьдесят рассказали своим детям о женщине, которая осталась. Их дети — своим. Через двести лет в том городе построили больницу. Первую, где лечили бесплатно. Люди, которых по твоей арифметике не должно было существовать, лечили людей, которых твоя арифметика ещё не успела списать. — Сказка отставила стакан. — Твой расчёт всегда точен, Добро. Он просто всегда заканчивается слишком рано.

— Выбор — это иллюзия, — прошипела Добро, и её нежные черты стали хищными. — Люди слабы. Они выберут лёгкий путь. Снова и снова.

— Знаю. Я вижу это полторы тысячи лет. — Сказка поднялась. — И всё равно даю выбор. Потому что единственная разница между твоим миром и адом — это возможность ошибиться.

Она бросила на стол купюру и пошла к выходу — и уже у дверей её узоры дрогнули, потянувшись к мужчине, методично напивавшемуся за угловым столиком. Добро проводила сестру взглядом чистой, дистиллированной ненависти.

Ночь легла на город, как мокрый брезент.

Сказка вела байк по пустеющим улицам, и что-то было не так. Она чувствовала это кожей — буквально: татуировки вели себя странно. Не откликались на «зов» — его не было, ночь молчала, — а беспокоились. Ползли по предплечьям к запястьям, как звери, почуявшие пожар за горизонтом.

Она свернула в промзону, сама не понимая зачем. Правил игры это не нарушало — правил игры это просто не касалось. Никто не называл жизнь сказкой. Никто не стоял на краю. Тишина.

И всё же руль сам лёг влево, в горло тёмного переулка между старым мясокомбинатом и бетонным ангаром без окон. Из-под земли шёл гул — глухой, утробный, ритмичный. Рёв десятков глоток. Так не болеют за футбол. Так воют на кровь.

Она знала это место. Подпольные бои. Не человеческие — под ангаром, тремя этажами ниже уровня асфальта, дрались те, кого официальный мир считал сказками: оборотни, полукровки, отродья старших линий. Дрались за деньги тех, кто ставил на них, как на псов. Сказка никогда сюда не совалась: эти существа не звали её. У них были свои боги и свои способы умирать.

Байк замер. Двигатель стих.

И в тишине она услышала — нет, не «зов». Дыхание. Рваное, мокрое, с присвистом пробитого лёгкого. Из-за мусорных баков в дальнем конце переулка.

Татуировки вспыхнули все разом.

Не синим. Не чёрным. Золотым. Тем самым золотом из парка, только теперь оно не тлело — оно ревели по её коже, как лесной пожар, стекало к кончикам пальцев, рвалось с них в темноту, к источнику этого дыхания. Впервые за полторы тысячи лет её тело хотело чего-то само — без приказа, без ритуала, без правил ненавистой игры.

Сказка подошла. Медленно. Каждый шаг давался странно, словно она шла не по асфальту, а по собственной судьбе.

Он лежал среди мусора, как выброшенная вещь. Огромный — даже поверженный, даже переломанный, он занимал собой всё пространство, весь воздух. Голый по пояс, в бурой корке своей и чужой крови. Рёбра вмяты. Поперёк груди тянулись четыре рваные борозды, и от них по венам расплзалась чёрная сеть. Серебро. Концентрат. Кто-то очень хотел, чтобы этот оборотень не встал.

Он умирал. Молча. Не звал никого — ни богов, ни людей, ни её. Он умирал так, как жил: один, стиснув зубы, не прося.

И именно поэтому — Сказка поняла это с ясностью, от которой зазвенело в висках — она не могла уйти.

Полторы тысячи лет о

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.